

А. В. ЧИЧЕРИН

ПУШКИНСКИЕ ЗАМЫСЛЫ ПРОЗАИЧЕСКОГО РОМАНА

Вы не поверите, как мне хочется
написать роман... у меня начато три.

А. Пушкин.¹

1.

Глубокое понимание потребностей русского народа определило весь творческий путь Пушкина и сказалось с особенной силой в его обращении к прозе.

Общеизвестно, какое значение при этом великий поэт придавал созданию прозаического литературного языка. Но всегда упускали при этом одно очень важное обстоятельство. Да, в строении прозаического языка и в строении фразы Пушкин следовал твердо намеченному пути: идейность, ясность, сжатость, действительность, простота, живая конкретность, то есть предметность речи, решительное отрицание метафорической и украшенной прозы. Это, так сказать, — выход к прозе.

А конечная цель?

Мы утверждаем, что ясно намеченной конечной целью Пушкина в этой сфере было создание социально-психологического, остро критического, современного по сюжету, реального прозаического романа.

Русские романы в начале XIX века возникали десятками. Что это были за романы? Либо — подобие романа XVIII века. Таковы романы Нарезного: вереницы неправдоподобных приключений, карикатурная размалёвка персонажей, примитивные эффекты, примитивная мораль, примитивная речь. Либо, наоборот, — «новаторство», даже новаторское озорство, но идущее мимо жизни, претенциозное и сумбурное — романы Вельтмана.

Либо — в романе поверхностный кратковременно модный эстетизм, треск довольно грубых афоризмов, лишенных правды и подлинного смысла: романы Марлинского, более занимательные, и Сенковского, более «изысканные».

Самым распространенным был роман бытовой с простоватым описанием заурядной и все же подрумяненной повседневности: приключения пьяниц, картежников, шулеров, как в романе Бегичева «Семейство Холмских».

Противоположными этому площадному роману были светская повесть и светский роман. Умные повести из светского быта были написаны Вл. Одоевским. Но в таких вещах, как «Княжна Мими» или «Княжна Зизи», автор, при всей его точности, сдержанности и колко-

¹ В. И. Даль, «Воспоминания о Пушкине», «Пушкин в воспоминаниях современников», Гослитиздат, 1950, стр. 455.

сти, остается в сфере чрезвычайно узкой и не достигает ни подлинных типических обобщений, ни подлинной критики. Этот роман только высшая стадия в развитии живой и остроумной светской беседы.

Пушкин мог презирать романы Булгарина и Сенковского, мог пренебрегать романами Загоскина и Марлинского, мог интересоваться романом Миклашевич и восхищаться повестями Одоевского и Павлова — но, в сущности, он ко всем этим разнохарактерным произведениям относился критически и понимал, что все они не отвечают насущной потребности передовой части современного ему русского общества, потому что в них нет ясного и трезвого изучения основных процессов, происходящих в этом обществе.

Переход от ранних поэм к «Евгению Онегину» был громадным шагом вперед, ведущим к решению острых проблем современной жизни. Роман в стихах воплощал конкретные житейские положения, раскрывая типические характеры, обусловленные обстоятельствами классовыми, материальными. Он обнажал душевные недуги. Он решал основную политическую проблему, существенную в то время и для России и для всей Европы: годен ли молодой дворянин-аристократ начала XIX в. для того, чтобы руководить судьбами родной страны, как это делали его предки? Есть ли в нем нужные для этого силы ума, воли, характера?

Стихи в «Евгении Онегине», сами по себе, не были внешним украшением, они обнаруживали мировоззрение автора, во многом противопоставленное мировоззрению героя. Живая, оптимистическая сила стиха была философски выразительна. Непринужденность, разговорность, легкость онегинских стихов такова, что они ни в чем не стесняли автора. Многообразие лексики позволяло обнимать всё, — от замены барщины оброком до тончайшего изображения душевной жизни и мелочей быта.

И все-таки гениальный роман в стихах, как литературный жанр, не был решением основной задачи: стихи не давали возможности так обстоятельно рассмотреть и душевную жизнь героя и *состояние его дел*, все его отношения и связи, как это нужно было для социально конкретного понимания личности и общества. Стихи в реалистическом романе были слишком блистательным средством выражения мысли.

Все общеизвестные замечательные высказывания Пушкина о прозе имеют тот общий смысл, что проза (и притом настоящая проза) в полной мере служит и выражению мысли и изображению жизни. В реалистической литературе самым существенным становится искусство прозы.

«Арап Петра Великого», еще больше «Повести Белкина», а из них особенно «Станционный смотритель» и «Гробовщик», были образчиками этой ясной во все проникающей прозы. Это уже проза, не признающая ничего «невыразимого», по романтической терминологии Жуковского. Это проза, совершенно отчетливая при обозначении, сколько чашек чаю выпивал Адриан Прохоров и сколько душевной муки вытерпел Самсон Вырин, это проза совершенно последовательная при выяснении того, как социальный гнет и чрезвычайные «личные» душевные муки связаны неразрывно, выразительная в каждой детали. Ее основной характер, в строении ли фразы, или в композиции в целом, — предельная сжатость. Проза повестей Пушкина несравненно лаконичней стихов «Евгения Онегина». Если и появляется беседа с читателем, когда

встречается описание, когда вводится диалог, — все в меру самой строгой сюжетной необходимости.

Разве обращение к читателям на первой странице «Станционного смотрителя» сколько-нибудь похоже на вольные беседы в романе в стихах? Какой лаконизм в концовках, в заключительных сценах «Повестей Белкина»!

В процессе работы Пушкин отстраняет все то, что не относится к прямой линии повествования и простого раскрытия характеров. Сцена, когда путешественник целует Дуню, в окончательном тексте составляет три предложения и занимает три строчки: эта сцена дает почувствовать в Дуне маленькую кокетку, наделенную простодушным и лукавым обаянием. В черновом варианте эта сцена несравненно сложнее:

«...кажется, вижу её томные глаза, её вдруг исчезнувшую улыбку, — кажется, чувствую теплоту её дыхания и свежее запечатление губок».

«Читатель ведаёт, что есть несколько родов любви. Любовь чувственная, платоническая, любовь из тщеславия, любовь 15-летнего сердца и проч. Но из всех — любовь дорожная самая приятная. Влюбившись на одной станции, нечувствительно доезжаешь до другой, а иногда и до третьей. Ничто так не сокращает дороги, и воображение, ничем не развлеченное вполне, наслаждается своими мечтаниями. Любовь безгорестная, любовь беспечная! Она живо занимает нас, не утомляя нашего сердца, и угасает в первом городском трактире».²

Удивительно, что в этих словах, которые вычеркивает Пушкин в 1830 году и которые решительно противоречат стилю «Повестей Белкина», в том, что пробивается в черновике, проступает уже то самое, что будет свойственно поэтике позднейшей прозы.

Совершенно в духе прозаического стиля Толстого это стремление расчленить, проанализировать, донести до читателя ощущение, испытанное героем. Еще более напоминает прозу Толстого пронумерованная классификация «любостей» и живой конкретный эпитет, схватывающий явление в развитии, в жизни: «любовь дорожная». Чисто толстовским является употребление причастия — «вдруг исчезнувшую улыбку» — причастие, сохраняющее струящийся живой процесс и притом не в его сути (как в характерных эпитетах Пушкина), а в оттенках, становящихся существенными, в переживании персонажа и в интерпретации автора. В этом смысле и эпитет «томные глаза» приобретает на место прежней, элегически отвлеченной, новую чувственную окраску, выражение мгновенного переходного состояния.

Все это нарушило бы ясную целеустремленность и сжатость пушкинского повествовательного стиля, и все это устраняется.

Беспощадно разделяваясь с сентиментализмом, с романтизмом, противопоставляя «красотам» стиля меткую устремленность к предмету, Пушкин воспитывает мысль русского читателя 30-х годов в атмосфере строгого и деятельного движения.

Эта строгая сжатость имеет полемический смысл. Пушкин на деле проявляет свои антипатии к метафорически пышному Гюго, к «мелочно» детализирующему Бальзаку и свое одобрение отчетливо динамического стиля Бенжамена Констана и напряженной сухости автора «Le rouge et le noir», которого он ценит, несмотря на некоторые оговорки. Однако и Констан и Стендаль направляют свой лаконизм в иное,

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, изд. Академии наук СССР, 1940, т. VIII, ч. 2, стр. 644—645.

чем Пушкин, русло. Ни тот, ни другой не могли бы написать чего-то подобного «Гробовщику» или «Капитанской дочке». Глубокая народность и простота стиля были им недоступны. Пушкин в своих повестях сочетает высокую литературную культуру с ясностью и свежестью народного взгляда на жизнь.

Повести не исчерпывали прозаических замыслов Пушкина, они не могли вместить всю ту громадную и многообразную жизнь, которая его занимала. В частности, такие современники автора «Капитанской дочки», как Пестель, Чаадаев, Баратынский, Кипренский, Глинка, А. Тургенев, А. О. Россет или А. П. Керн не могли быть изображены при помощи того метода, каким создавались образы Гриневых, Мирновых или Дубровских.

Пушкин твердо шел по тому пути, который он сам назвал «шекспировским» и который он противопоставлял «мольеровскому» пути. Его Троекуров не только самодур, изверг и дикарь (хотя он то и другое и треть!), но и человек с задатками большого подлинного человеческого характера, с задатками, загнанными вглубь и только порой вырывающимися. В этом смысле сложно, конкретно, со стремлением раскрыть живые противоречия самой жизни задуманы и осуществлены и Пугачев, и Самсон Вырин и Владимир Дубровский. В смысле полноты постижения внутренних противоречий Пушкин, конечно, создает нечто совершенно новое в сравнении с Шекспиром или, скажем, Стендалем и утверждает основу для того понимания человека и жизни, которое у Толстого достигает своей вершины. Все же эта сложность — еще не та сложность, которая бы раскрыла душевный строй философски мыслящей личности или разгадала природу большого социально-психологического недуга. В этом отношении (но только в этом отношении) был прав Белинский, который видел в прозе Пушкина шаг назад по сравнению с «Евгением Онегиным».³

Сочетать онегинскую глубину раскрытия сложных характеров с совершенной обстоятельностью и полнотой, достигнуть новой высшей ступени реалистического мастерства, — таковы были задачи, ставшие перед Пушкиным. В одном завершенном прозаическом произведении этот шаг был уже сделан. Мы говорим о «Пиковой даме». Герман — с его «суровой», жадной, целеустремленной душой, с его экзальтированным воображением — упрямый и страстный носитель основного порока буржуазного общества. Но именно этот образ — ясное свидетельство того, что чеканный лаконизм пушкинских повестей имеет свою обратную сторону. Конечно, в этом лаконизме — громадная действенность. Благодаря ему достигнута изумительная выразительность каждой строки. Но он оставляет совершенно в стороне: 1) историю Германа — объяснение того, как создаются такие люди, 2) все, говорящее о длительном процессе душевной жизни героя, 3) конкретные, материальные обстоятельства его теперешней и его прошлой жизни, 4) его общение с окружающими людьми. Все это скрыто в повести. Все это обнаруживает роман.

В сохранившихся многочисленных черновиках перед нами следы того, как Пушкин шел к прозаическому роману. Конечно, порой невозможно сказать, рассказ, повесть или роман были задуманы, когда

³ См. В. Г. Белинский. Избранные сочинения, 1947, стр. 522—524.

создавался тот или другой черновой набросок. Но изучение их показывает, что слово «набросок» тут мало пригодно. Даже самые краткие черновые записи — результат упорных исканий. В них много поправок всякого рода. В каждой строке сказывается стремление достигнуть совершенного по отчетливости и силе воплощения мысли. Внешний вид этих рукописей напоминает работу живописца, кладущего все новые и новые мазки на полотно, на каждую его точку. Они в этом отношении не отличаются от рукописей стихов.

Проза Пушкина и замыслы большого прозаического произведения рождаются рано. 1819 годом датирован первый из сохранившихся набросков — «Наденька». В нем 14 печатных строк, а между тем опубликованные поправки и варианты составляют 55 строк.⁴

Что привлекает автора этих поправок?

Стремительность, характерность и непринужденность начала:

а) «У гусара В. было дружеское собрание»...

б) «Несколько молодых людей, по большей части военных, проигрывали»...

в) «Несколько молодых человек весело проигрывали»...

Совершенно очевидна характерность для Пушкина всех трех вариантов начала. Вы вспоминаете первые строки «Пиковой дамы» или «Гости съезжались на дачу...», восхищение Льва Толстого тем, как Пушкин в гущу действия вводит читателя с первого слова. Однако, кроме «Пиковой дамы» и «Гробовщика», ни одно из законченных повествовательных произведений Пушкина не начинается таким образом. Наоборот, для повестей Пушкина гораздо более характерен противоположный склад первых строк — неторопливых, обстоятельных:

«В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместьи Ненарадово...», «Несколько лет тому назад в одном из своих поместий...», «В одной из отдаленных наших губерний находилось имение...», «Мы стояли в местечке***. Жизнь армейского офицера известна...». Характерен и третий склад зачина — шутивно-разговорного, отчасти напоминающего Гоголевские зачины: «Если бог пошлет мне читателей...», «Кто не проклинал станционных смотрителей?...».

Эти три типа зачина характеризуют три стилистические струи, проникающие во всю прозу Пушкина: действенность, повествовательное спокойствие, разговорная живость речи.

Но стремительное начало, поразившее Толстого, характерно именно для черновых набросков Пушкина: «Участь моя решена. Я женоюсь...», «В одно из первых чисел апреля 181... года в доме Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха...», «Мы проводили вечер...», «4 мая 1825 года произведен я в офицеры...», «Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась нечаянному моему отъезду...».

В зачинах этих набросков отчетливо выступает самая существенная черта прозы Пушкина — *действенность*, ослабленная в громадном большинстве зачинов законченных повестей иными побуждениями и мотивами.

⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, изд. Академии наук СССР, 1940, т. VIII, стр. 945—946.

Другие варианты и поправки маленького отрывка 1819 года не менее характерны: «Разорванные короли сыпались веером...», «сыпались на пол...», «сыпались вокруг на пол...», «сыпались как град». Уже двадцатилетний Пушкин ищет наибольшей точности, наибольшей простоты и наибольшей ритмической силы. Движение и равновесие прозаической фразы уже достигнуты им:

«Тузы, тройки, разорванные короли, загнутые валеты сыпались как град — и облака стираемого мела смешались с дымом турецкого табака». Внешне эта ритмическая организованность достигается равномерностью двух ее противопоставленных крыльев (24 и 23 слога, 8 и 7 ударных слогов) и ударным окончанием каждой из полуфраз. Но смысл и сила этой организованности — в образном единстве и в наличии образного контраста: а) Все смешалось — тройки, короли, валеты и облака мела, дым табака; б) Сутолоке предметов противопоставлено плавное движение распыленного мела и дыма.

Другие поправки к «Наденьке» и другие более или менее окончательно отшлифованные строки не менее существенны:

«...Все встав изо карточного стола ...все встав изо ломберного стола ...все оставили карты ...все бросили карты ..стали считать и начали спор ...стали считать и начали шумный спор ..всякой допивая стакан . допивая свой стакан ...или докуривая трубку стал считать выигрыш поляка... В законченном виде: «Все бросили карты, встали изо стола, всякой, докуривая трубку, стал считать свой или чужой выигрыш; поспорили, согласились и разъехались».

Тщательно выброшены все не обязательные слова (карточного, ломберного, стакан, свой стакан...). В смысловом и стилистическом отношении эти три предложения распадаются на две неравные части: живая сцена и ее быстрая развязка, образующие ритмическое единство, при котором более или менее разветвленному периоду противопоставлено одно предельно сжатое завершающее предложение. Это мы видим и в зрелой прозе Пушкина:

«Сильвио крепко сжал мне руку; мы поцеловались. Он сел в тележку, где лежали два чемодана, один с пистолетами, другой с его пожитками. Мы простились еще раз, и лошади поскакали».

«Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель».

В итоговом варианте «Наденьки» сохраняется одно слово, не типичное для позднейшей зрелой прозы Пушкина и напоминающее нам примитивность характеристик в русском романе XVIII века, например, характеристик Николая Эмина: «...спросил Виктора ветренный Вельверов...»:

«Ветренный» — эпитет, заранее разоблачающий героя, в варианте предполагалось заменить — «красавец Вельверов».

В живой речи персонажей сохранены в итоговом варианте только совершенно непринужденные и естественные обороты:

«— Неужели два часа ночи? Боже мой, как мы засиделись...» Не звучащая, не разговорная фраза «я без ужина никак не могу обходиться, а ужинать могу только у наших известных красавиц» в итоговом варианте заменена словами: «Я познакомлю тебя с очень милой девочкой, ты будешь меня благодарить»,

Несмотря на то, что итоговый вариант обрывается на полуслове, в нем есть законченность живой и выразительной сцены.

Автор совершенно «домашним образом» рисует будничную обстановку, в которой живет дворянская столичная молодежь.

Время и силы уходят на то, чтобы спустать, потехи ради, шулеру поляку дедовские вотчины и отцовские деньги. И наглый шулер разыгрывает роль наставника этой ветреной и рассеянной молодежи, важничает перед нею.

В 1819 году обозначается та самая тема, которая все более и более поглощает Пушкина, которая проявляется и в «Цыганах», и в «Евгении Онегине», и в «Капитанской дочке», но которая полнее, объемнее, материальнее должна была прозвучать в социально-психологическом прозаическом романе

Это — тема обреченности русского дворянского быта, назревшей потребности коренного переворота в жизни русского общества вообще.

Не карикатуры в манере Нарезного, не поверхностный блеск, подобный блеску позднейших романов Марлинского, а ясный реалистический рисунок мы уже видим у Пушкина, ясное понимание жизни.

Чисто Пушкинским аккордом завершается весь отрывок: «Оба сели на дрожки и полетели по мертвым улицам Петербурга».

2.

По ясности образов, по глубине и естественности этот маленький черновик 1819 года был явлением совершенно оригинальным в русской литературе своего времени.

В нем воплощалось то критическое, то совершенно новое движение русской общественной мысли, которое рождалось в недрах тайных обществ, которым уже жили в то время друзья Пушкина — будущие декабристы, в которое был вовлечен и молодой Пушкин.

Но замечательное новаторство Пушкина имело свои национально-исторические корни. Проблема двух стилей в прозе, метафорического, пышного, то полного грохотом страстей (Ф Эмин, Н. Эмин), то слащавой изысканностью (Херасков), то нежно-витиеватого (Карамзин) и противоположного ему, — строгого строя речи, более безличного у Чулкова, более оживленного язвительностью и сарказмом у Измайлова, — это противоречие существовало уже в сознании русских людей XVIII века. И выбор должен был сделать в начале XIX века каждый русский прозаик. Марлинский, Сенковский, Вельтман избрали решительно первый путь. Пушкин вступил на второй, но, преодолевая пышнословие Карамзина, он, в то же время, следовал в некоторых отношениях за автором «Юлии» и «Рыцаря нашего времени» Живость и сила действия, зарождение, образование и развитие характеров, тонкие, жизненно существенные поэтические замыслы Карамзина, остававшиеся незавершенными, показывали, что в общественном сознании уже созревали новые идеи и чувства, настойчиво ждущие своего воплощения. Напомним, как описывает Карамзин детство своего героя «Любовь питала, согревала, тешила, веселила его; была первым впечатлением его души, первую краскою, первую чертою на белом листе ее чувствительности».⁵ К это-

⁵ Сочинения Н. М. Карамзина, 1848, т. III, стр. 245.

му выражению у Карамзина примечание — ссылка на Ложка. Так проглядывает намерение ввести в роман «научное понимание» возникновения и развития личности. И дальше, на всем протяжении «Рыцаря нашего времени», — автор показывает, как близость матери развивает чрезмерную чувствительность, как случай на охоте пробуждает религиозное чувство, как природа, книги, люди — все оказывает свое действие, в конечном счете единое, потому что все объединено условиями помещичьего дворянского быта. Все образует душу изнеженную, болезненно восприимчивую и хрупкую.

Карамзин не мог завершить дело, значение которого он сознавал. Для этого нужно было заговорить иначе, чтобы слова били в цель, не облакаясь в увядающие метафоры. Но живая и острая действенность «Юлии», рождение психологического анализа в «Рыцаре нашего времени», как и грубая прямолинейность романа Измайлова «Евгений», были важными событиями в развитии русского национального сознания. Пушкинская проза диалектически принимает в себя и преобразует в себе результаты длительного периода литературного развития. Вот почему даже на прозаическом отрывке 1819 г. есть отпечаток удивительной зрелости.

Чем иначе объяснить ту спокойную уверенность, то изящество совершенной простоты, которые мы находим в «Арапе Петра Великого», первой прозаической вещи Пушкина?

Кроме приведенного выше соображения, следует предполагать, что за этот промежуток, от 1819 года до 1827 года, не одни только письма были той мастерской, в которой мужала и ширилась пушкинская проза. Видимо, многие черновики до нас не дошли.

Обратимся к тому, что сохранилось.

Эти черновики содержат столько замыслов, идей, образов, часто почти завершенных... А между тем они известны только узкому кругу читателей и не были изучены до сих пор.

Мысли о создании прозаического романа все более настойчивы с 1825 года: «Возьмись же за целый роман и пиши его со всею свободой разговора или письма... Роман требует болтовни: высказывай все начисто...», — убеждает Пушкин А. А. Бестужева в июне и ноябре 1825 г. Роман в то же время решительно противопоставляется повести: «Полно тебе писать быстрые повести с романтическими переходами».⁶

«Высказывать все начисто» — значит создавать такой роман, в котором самые важные вопросы современной жизни, в форме естественной, образной и живой, были бы поставлены и решены, в котором главным было бы не изображение, а понимание жизни.

3.

«Гости съезжались на дачу...» в беловом автографе составляют четыре отрывка объемом немногим более четверти печатного листа. Черновики в четыре раза превосходят объем отделанного текста. В течение трех лет 1828, 1829, 1830 Пушкин возвращался к работе над этим замыслом.

⁶ Пушкин-критик, изд. 1936, стр. 425.

Начнем с самого существенного: в этом едва начатом произведении есть уже ясно начертанный образ. Вольская входит в салон графини Б., встреченная «заметным недоброжелательством» дам и «шутливой приветливостью» мужчин. За этой «приветливостью» скрыта наглая насмешка: «Кажется, твоя очередь...», — говорит Минскому молодой офицер.

Ее быстрые движения, «странность» ее наряда, ее явное нежелание участвовать в светской болтовне, решительное нарушение приличий, горячее стремление высказать то, что горит в ее душе, все это обнаруживает внутреннюю жизнь, полную страстных и глубоких исканий. «Живость движений» придает всей первой сцене ритмический рисунок, острый и напряженный:

«...Вольская ничего не замечала... она рассеянно глядела во все стороны; лицо ее, изменчивое как облако, изобразило досаду; она села подле важной княгини Г... Вдруг она вздрогнула и обернулась к балкону. Беспокойство овладело ею. Она встала, пошла около кресел и столов, остановилась на минуту за стулом старого генерала Р., ничего не отвечала на его тонкий мадригал и вдруг скользнула на балкон... Она подошла к ним и с замешательством... Вольская... поспешно оставила балкон, где она около трех часов сряду находилась наедине с Минским».⁷

Движение несравненно выразительнее портрета, который только придает каждому шагу Зинаиды оттенок женственности, искренности и очарования: «Она была в первом цвете молодости. Правильные черты, большие черные глаза...».

Движение выразительно потому, что уже эта первая сцена — картина боя. С первых слов — перед нами аристократический мир: непринужденно, без малейшего сатирического нажима, а в сущности беспощадно и резко Пушкин описывает благопристойность, приличие, пустую болтовню, злые сплетни, надменное презрение ко всему необычному.

Зинаиду Вольскую обдают этим презрением в полной мере:

«Это ни на что не похоже.. Ветрена? этого мало. Она ведет себя непростительно. Она может не уважать себя сколько ей угодно, но свет еще не заслуживает от нее такого пренебрежения.. Страсти! какое громкое слово! что такое страсти? Не воображаете ли вы, что у ней пылкое сердце, романтическая голова? Просто она дурно воспитана...»

О том, как была воспитана Зинаида, мы узнаем из другого отрывка, где предистория дана очень сжато и все-таки очень полно.

«Зинаида Вольская лишилась матери на шестом году от рождения. Отец ее, человек деловой и рассеянный, отдал ее на руки француженки, нанял учителей всякого рода и после уж об ней не заботился. 14-ти лет она была прекрасна и писала любовные записки своему танцмейстеру. Отец об этом узнал,⁸ отказал танцмейстеру и вывез ее в свет, полагая, что воспитание ее кончено...»

Трагедия детей, выросших в атмосфере пренебрежения ко всему, кроме танцев и нарядов, — это одна из основных тем русского критического реализма, одно из могучих средств разоблачения господствующего класса.

Как мы видим, эта тема должна была зазвучать у Карамзина, она прозвучала в резком сатирическом романе Измайлова.⁹ Пушкин в «Ев-

⁷ Здесь и дальше «Гости съезжались» цитируем по изд. Академии наук СССР, т. VIII, стр. 37—42 и 535—553. Многоточиями обозначены пропуски, сделанные нами.

⁸ Дополнительный вариант: «слегка побранил проказницу...»

⁹ А. Измайлов. «Евгений или пагубные следствия дурного воспитания и общества» (1799—1800).

ении Онегине» уже к ней обращался. В его прозаическом романе небрежное воспитание должно быть показано во всей силе, с его губительными и с его положительными последствиями.

Положительные последствия заключались в том, что отсутствие воспитания было все же лучше, чем мертвый и чопорный трафарет, сжимавший, как корсет, мысли и чувства ребенка.

Зинаида вышла «в свет», не приготовленная для жизни и борьбы, не знающая людей, полная недоумений, но зато с душою вольной, не ограниченной этикетом.

«Появление Зинаиды наделало большого шума. Вольский, богатый молодой человек, привыкший подчинять свои чувства мнению других, влюбился в нее без памяти, потому что Государь, встретив ее на Английской набережной, целый час с нею разговаривал. Он стал свататься. Отец обрадовался случаю сбыть с рук модную невесту. Зинаида горела нетерпением быть замужем, чтобы видеть у себя весь город. К тому же Вольский ей не был противен, и таким образом участь ее была решена».

В этом ограниченном ряде событий обнаруживается весь механизм великосветской жизни. Одурманивающее влияние внешнего успеха. Раболепство вкусов, страстей, даже самых интимных сердечных движений. Полная неосознанность жизни, идущей своим проторенным ходом. Человек, как раб своей участи, решенной помимо его воли.

«Ее искренность, неожиданные проказы, детское легкомыслие производили сначала приятное впечатление, и даже свет был благодарен той, которая поминутно прерывала важное однообразие аристократического круга. Смеялись ее шалостям, повторяли ее странные выходки. Но годы шли, а душе Зинаиды все еще было 14 лет. Стали роптать. Нашли, что Вольская не имеет никакого чувства приличия, свойственного ее полу. Женщины стали от нее удаляться, а мужчины приблизились. Зинаида подумала, что она не в проигрыше, и утешилась».

Образ жизни Зинаиды все более и более не вмещается в рамках великосветского общества. Если ее первоначальный ропот проявлялся в «детском легкомыслии» и в «неожиданных проказах», то «приличия» света потом нарушались все резче. Она все более задыхалась. «Она осмелилась явно презирать» то, что ее окружало. Ее правила сплетнями и злостью.

«— Мне хотелось бы влюбиться в Р., — говорила она своему поверенному Минскому. «— А барон W?..» — настойчиво спрашивала она. Ее беспокойство, неуравновешенная страстность прорываются в каждом слове. У нее не четырнадцатилетняя, как это думали в свете, а уже надтреснутая душа. Она готова загореться и сгореть вся до тла.¹⁰

¹⁰ Основным прототипом Зинаиды Вольской была графиня Аграфена Федоровна Закревская. Стихотворения «Портрет», «Наперстник», «Когда твои младые лета..» заключают в себе все основные мотивы того образа, который здесь раскрыт реалистически: «пылающая душа», нарушение «всех условий света», своенравие, «тоскливая мечта», «упойтельный язык .. безумных и мятежных страстей», каждый звук которого жадно ловит поэт. Последнее из названных стихотворений не только отстаивает тот же взгляд, но и противопоставляет его только что тогда появившейся поэме Е. А. Баратынского «Бал». В полном соответствии с характеристикой, которую Баратынский дает А. Ф. Закревой в частном письме, он говорит о героине этой поэмы: «Кругом ее заразы страстной исполнен воздух». По этому поводу характерно столкновение Пушкина и Баратынского. Перед нами противоположное понимание того же человека, более ригористическое и консервативное у Баратынского, более чело- вечное и социально-критическое у Пушкина. Баратынский отвергает необузданную, развращенную женщину, которую, по его мнению, законно осуждает «свет»: «Не утомлен ли слух людей молвой побед ее бесстыдных?» Наперекор этому, у Пушкина:

Но все ничтожно вокруг нее. Ей кажется, что привлекательнее других Минский.

В наброске романа и это — глубоко задуманный и уже ясный, отчетливый образ.

С первых его слов мы угадываем в нем великосветского «мудреца», для которого небрежность является высшим щегольством мысли и чувства. Ему свойственно шутиливо скользить по поверхности явлений, интересоваться всем и ничем, постоянно проявлять наблюдательность и остроумие, не идущие дальше самого холодного острословия. «Как хороша ваша северная ночь», — говорит ему его собеседник, испанец. Минский отвечает на это: «Один из наших поэтов сравнивал ее с русской белобрысой красавицей, признаюсь, что смуглая, черноглазая италиянка или испанка, исполненная живости и полуденной неги, более пленяет мое воображение. Впрочем, давнишний спор между *la brune* et *la blonde* еще не решен. Но кстати знаете ли вы, как одна иностранка изъясняла мне строгость и чистоту Петербургских нравов? Она уверяла, что для любовных приключений наши зимние ночи слишком холодны, а летние слишком светлы».

Это человек, у которого нет ни родной природы, ни родины, в душе которого нет строгого поэтического чувства, который все разменивает на пошлые анекдоты, мысль которого соскальзывает с одного на другое. «Дабы не употребить во зло доверчивости иностранца», Минский спешит представить ему Россию в кривом зеркале пошлых анекдотов. Он язвительен. Его только забавляет в Зинаиде ее глубокое презрение к обществу. Он одним словом умеет высмеять каждого, о ком бы она его ни спросила. Но ему особенно смешно тот, кто наделен сильными искренними чувствами. Он умудрен опытом. Он достиг той «благопристойности эгоизма», которая заставляет его быть осторожным. Вольская занимала его воображение, и он «хладнокровно обдумывал свою победу» «Я люблю ее от души», говорил он, «она уморительно смешна».

Но ни остроумие, ни хладнокровие, ни «благопристойность эгоизма» не преодолевали основного — небрежности. И благодаря этому Минский попадает впросак «Вероятно, если бы он мог вообразить бури, его ожидающие, то отказался бы от своего торжества, ибо светский человек легко жертвует своим наслаждением и даже тщеславием — лени и благоприличию».

Маленькая сцена, — когда Минский, лежа в постели, позевывая, читает тревожное, полное душевного томления письмо Зинаиды, представляет со всей силой контраст героя и героини.

Этот контраст, столь характерный для дальнейшего развития русского романа, не является просто литературной традицией. Ни Лермонтов, ни Тургенев, ни Гончаров, ни Писемский совсем не имели в виду, что в черновиках Пушкина (а еще гораздо раньше в романах Эмина) уже была представлена противоположность стойкой женщины, полной жизни, огня, искренних исканий — безвольному, жалкому резонеру, — то, что изобразили они в своих романах.

Дело тут не в литературной традиции и не в том, конечно, чтобы

«Один, среди толпы холодной, твои страданья я делю» И в рецензии Пушкина на поэму «Бал» «Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны. мы чувствуем, что он любит свою бедную страстную героиню».

русская женщина была вообще выше русского мужчины. Дело в том, что уже со второй половины XVIII века русская литература говорит об упадке дворянства. И вот классово-типичному дворянину, колеблющемуся, бесхарактерному, подорванному вялым скептицизмом, противопоставлена русская девушка, хотя тоже дворянка, но не зараженная (или — менее зараженная) разложением великосветского мира, сохранившая естественность человеческих требований и стремлений.

Так многоопытному охлажденному эгоисту Минскому противопоставляет Пушкин свою неутомимую, не желающую успокоиться, предъявляющую большие жизненные требования героиню.

Зинаида Вольская — один из замечательных образов великого русского поэта.

Не только к этому имени, но и к некоторым чертам этого образа Пушкин обращается и в отрывке «Мы проводили вечера на даче у княгини Д.». И в этом отрывке Вольская противопоставлена дамам, наполняющим аристократический салон. Их нравственные нормы — нормы внешней добродетели, светского приличия и хорошего тона. Тогда как ей дороги — сила и глубина огненного, большого и решительного характера. «Мужчины 19-го столетия, — говорит она, — слишком хладнокровны, благоразумны...». Вольская — Клеопатра XIX века в том смысле, что она ценит только такое чувство, которое бы выходило из всякого рода рамок.

Впрочем, нужно сказать, что искание женского образа большой человечности и силы в этом отрывке еще не приводит к чему-то отчетливому и ясному.

Что же касается содержания отрывка «Гости съезжались на дачу», то оно не ограничивается образами Вольской и Минского. С первой страницы и до последней строки в нем звучит и чисто политическая тема — вырождения русского дворянства.

В беседах Минского и путешествующего испанца «проклятый аристократический круг» характеризуется так: «немые подвижные мумии», напоминающие «египетские кладбища». Разговор в этом кругу «домашний, мелочный, часто понятный только для немногих, для избранных».

По мнению Минского, ни аристократии, ни дворянства, ни традиций, ничего, собственно, и не существует:

«Настоящая аристократия наша с трудом может назвать и своего деда... денщики, певчие, хохлы — вот их родоначальники... Прошедшее для нас не существует. Карамзин недавно расказал нам нашу историю, но едва ли мы вслушались. Мы гордимся не славой предков, но чином какого-нибудь дяди-дурака или балом двоюродной сестры...»

Совершенно очевидно полное единство замысла Пушкина, раскрытое в этом отрывке. И образ Минского и другие образы и темы бесед сосредоточены на глубокой критике господствующего класса, на том, чтобы показать его вырождение. Столкновение с этим отживающим классом самобытной, мятежной и глубоко идущей женской натуры должно было создать острый трагический конфликт этого романа. Не чуждые самому Пушкину классовые дворянские предрассудки в этом романе подвергнуты критике сильной и едкой.

Совершенно ясно, что идея и стиль «Гости съезжались на дачу...» существуют иного рода, чем то, что мы видим в «Повестях Белкина», в «Дубровском» и особенно в «Капитанской дочке».

Перед нами замысел более сложного, более сосредоточенного на внутренней жизни, более аналитического романа, который в развитии критического реализма составил бы в 1828 г. совершенно новый и важный этап.

Но во многих отношениях этот замысел в то же время и ниже названных законченных произведений Пушкина: в нем нет жизненности и бесхитростной ясности, порожденной сотрудничеством Пушкина с вообразаемым автором «Станционного смотрителя», не предвидятся ни Самсон Вырин, ни кузнец Архип, ни, тем более, что-нибудь равноценное Пугачеву.

Роман, правда, выходит далеко за пределы «светской повести» дворянского жанра 20-х годов. В этих масштабах было Пушкину тесно. Но и до народности пушкинских повестей ему все же далеко. И вполне понятно, что Пушкин оставлял свою Зинаиду ради Дуни и Маши.

Но мысль о социально-психологическом романе, разоблачающем сущность дворянского быта, все же не давала ему покоя на протяжении многих лет, особенно накануне создания «Повестей Белкина».

К 1829 году относят отрывок — «На углу маленькой площади...».¹¹

К этому отрывку дан эпиграф «Votre coeur est l'éponge imbibée de fiel et de vinaigre. Cogrespondance inédite».

Стало быть, в центре внимания — вялая, бездеятельная натура, покорно впитывающая в себя горечь и злость, неспособная воспринимать тепло и свет.

Изумительны простота и живость начала. Обыденность изображаемого сочетается с остротой поэтического восприятия жизни: карета, остановившаяся перед деревянным домиком, кучер, спящий на козлах, форейтер, забавляющийся игрой в снежки. И внутри дома сцена, — разом и до глубины обнажающая характеры.

Валериан Володский, навещая свою возлюбленную, читает в ее присутствии английский роман, проявляет в беседе с ней мелочную злобную досаду завсегдагата балов и гостиных, едкое презрение ко всему и ко всем. Он явно тяготится Зинаидой, спешит вырваться от нее и малодушно скрывает это.

«Валериан ее не слушал. Он натягивал давно надетую перчатку и нетерпеливо поглядывал на улицу. Она замолчала с видом стесненной досады. Он пожал ее руку, сказал несколько незначительных слов и выбежал из комнаты, как резвый школьник выбегает из класса...»

Черновые варианты показывают, что образ Зинаиды, героини этого отрывка, был задуман прежде всего как раскрытие жизненных и психологических противоречий: «Изысканность и свежесть ее наряда противоречили ее томному и болезненному виду». «Впалые черные глаза, окруженные синевою, оживляли тонкие и правильные черты ее бледного лица». Этот отрывок весь подвергся особенно тщательной отделке; кроме многочисленных поправок он сохранился в двух законченных вариантах. В приведенной части текста, при окончательной отделке, резкость контрастных красок значительно смягчена:

«В комнате, убранной со вкусом и роскошью, на диване, обложенная подушками, одетая с большой изысканностью, лежала бледная дама, уже не молодая, но еще прекрасная».

¹¹ То же издание, т. VIII, стр. 141—146 и 720—730.

Смягчен в окончательной редакции и упрек Зинаиды Валериану. В черновом варианте:

«Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, как зять к капризной теще, не как любовник к любовнице, не по сердечному увлечению. Тебе у меня скучно..»

В последней редакции: «Ты приезжаешь ко мне, как по обязанности, не по сердечному внушению. Тебе скучно со мною...». Но никакому смягчению не подвергаются резкие выпады Валериана против «новой» аристократии, против знати: князь Григорий — «известная скотина», графиня Фуфлыгина — «взяточница толстая, наглая дура».¹² Зинаида называет князя Григория «известным мерзавцем» и удивляется, как Валериан может дорожить «благосклонностью жены его, дочери целовальника».

Так у Зинаиды и у Валериана презрение к подлости и ничтожеству героев большого света смешивается с презрением к низкому происхождению высокочек «аристократов».

Зинаида **, героиня этого, едва начатого романа — женщина прямая, правдивая, резкая, целиком отдавшаяся своему чувству. Полюбив Валериана, она не может обманывать мужа, она порывает с ним, порывает все связи с великосветским обществом, поселяется в деревянном домике на окраине Петербурга, в Коломне. Ее поступок обрекает ее на общее презрение и на одиночество. И вот она убеждается в том, что для человека, ради которого она пожертвовала всем, она — только досадное и наскучившее ему бремя. Ее трагедия предвосхищает трагедию Анны Карениной.¹³

«.. в тот же день переехала с Английской набережной в Коломну и в короткой записочке уведомила обо всем В(олодского), не ожидавшего ничего тому подобного. Он был в отчаянии. Никогда не думал он связывать себя такими узами. Он не любил скуки, боялся всяких обязанностей и выше всего ценил свою себялюбивую независимость. Но все было кончено. Зинаида оставалась на его руках. Он притворился благодарным и приготовился на хлопоты любовной связи, как на занятие должностное или как на скучную обязанность поверить ежемесячные счета своего дворецкого».

В сущности, и характеры, и идеи, и драматическое положение, и даже трагическая развязка уже до такой степени определились, что следовало бы считать эти четыре странички настоящим шедевром Пушкина. А образы Зинаиды, ее благодушного, рассеянного, растерявшегося мужа и Валериана Володского — включить в галерею пушкинских образов, как и резкие сатирические образы, возникающие в беседе Зинаиды и Валериана.

Набросок плана к этому произведению дополняет характеристику героини тремя существенными эпитетами — «большая, капризная, нежная». Там говорится о новом увлечении Валериана, о ссоре в Коломне. Но и этот план — только план начала романа.

Утверждение, что Зинаида** этого отрывка — это Зинаида Вольская через несколько лет,¹⁴ мы считаем необоснованным. Несмотря на

¹² Прототипом графини Фуфлыгиной была жена министра иностранных дел — М. Д. Нессельроде.

¹³ Моральную оценку жизненного пути Зинаиды мы находим в VIII гл. «Евгения Онегина». Пушкин противопоставляет свою Татьяну героиням своей незавершенной прозы, как и героиням завершенных поэм Баратынского.

¹⁴ Примечания М. А. Цявловского к Собр. соч. А. С. Пушкина в изд. «Academia», 1936, т. IV, стр. 762.

некоторую аналогию положений, все самое существенное в этих двух характерах совершенно различно. С образом Зинаиды Вольской больше связан образ Зели, о которой речь будет ниже.

4.

«Участь моя решена, я женюсь...»¹⁵ — отрывок, наиболее смело открывающий новые пути в развитии реалистического стиля.

Перед нами типический и с глубоким критическим пониманием созданный образ. Это — всегда неудовлетворенный и бесцельно мечущийся человек. Его страсти, в сущности, холодны, в его неудовлетворенности нет настоящей жажды, бесцельность жизни не слишком его мучит. Это — скептик, ищущий только комфорта и удовольствий.

Та, которую он любил «целые два года», станет его женой, и вот теперь ему досадно терять свою «беспечную прихотливую независимость», ему противна суета, окружающая помолвку, и в первый час своего жениховства он уже думает: «Признаюсь, это начинает мне надоедать». Изю всего, написанного Пушкиным в прозе, этот отрывок наиболее стремительный:

«В эту минуту подали мне записку: ответ на мое письмо. Отец невесты моей ласково звал меня к себе... Нет сомнения, предложение мое принято. Наденька, мой ангел — она моя!.. Все печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслию. Бросаюсь в карету, скачу, вот их дом...»

И в то же время нигде психологическое расчленение мгновенных переживаний не дается у Пушкина с такой реалистической тщательностью и силой. Мы продолжаем только что прерванную цитату:

«...вхожу в переднюю, уже по торопливому приему слуг вижу, что я жених. Я смутился: эти люди знают мое сердце, говорят о моей любви на своем холопском языке!»

Мимолетные впечатления, раскрытые в душевных переживаниях героя, особенно характерны в описании его обычной жизни:

«...еду переулками, осмотрю в окна низеньких домиков: здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепиано, подле нее ремесленник-музыкант. Она поворачивает ко мне рассеянное лицо — учитель ее бранит — я шагом еду мимо. На другой день опять еду верхом — переулками, мимо дома, где девочка играла на фортепяно. Она твердит на фортепяно вчерашний урок. Она взглянула на меня, как на знакомого, и засмеялась. — Вот моя холостая жизнь».

С этим связано и то, что эпитеты приобретают новый характер: они выражают не существенно-неизменные признаки, а минутные состояния, летучие приметы струящейся жизни.

Сопоставим эпитеты первых страниц «Дубровского» с эпитетами данного отрывка:

1) «Старинный русский барин», «его барскую праздность», «шумные, а иногда и буйные его увеселения», «избалованный», «всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума», «его сильное покровительство», «старинные приятели», «надменный в

¹⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, 1940, т. VIII, стр. 406—408 и 952—957.

сношениях с людьми», «его смиренное состояние», «нетерпеливость и решительность его характера», «беден и независим», «избалованной бабенки», «прекрасным заведением», «великолепного заведения», «псарня чудесная», «благородные суки...».

2) «...было самым болезненным чувством», «последней заметавшейся карты», «беспечной, прихотливой независимостью», «роскошными привычками», «жизнь и без того не полную», «Повеса мой молод», «умную смирную Женни», «рассеянное лицо» (вариант: «рассеянное, утомленное, лицо»), «кодеваюсь небрежно, если еду в гости, — со всевозможной старательностью, если обедаю в ресторане», «замечательный убор», «черные глаза», «в любезном избранном кругу», «морской, свежий воздух, и убегающий берег», «это придает ее бледному лицу выражение томной нежности», «Наденька, мой ангел», — «печальные сомнения исчезли перед этой райской мыслью», «по торопливому приему», «на своем холопском языке», «глаза были красны», «она явилась бледная, неловкая», «подала мне холодную, безответную руку», «это сегодня новость домашняя, завтра — площадная», «поэма, обдуманная в уединении, продается потом...», «бедная, она так молода, так невинна, а он такой ветренный, безнравственный...».

Все эпитеты первых страниц «Дубровского» характеризуют нечто устойчивое в личности и быте Троекурова. Такие эпитеты решительно преобладают во всех завершенных повестях Пушкина.

В отрывке «Участь моя решена» преобладают эпитеты, означающие данное минутное состояние, противоречащее состоянию обычному: жениха поражает, что Наденька «явилась бледная, неловкая», потому, конечно, что привык он ее видеть и розовой и изящной.

Но и другие эпитеты в данном контексте приобретают динамический характер:

«Еду в театр, отыскиваю в какой-нибудь ложе *замечательный* убор, *черные* глаза; между нами начинается сношение — я занят до самого разъезда. Вечер прожужу...».

Так и этот ряд эпитетов включается в быстрый поток мимолетных сменяющихся ощущений.

Это стремление уловить во всем, в любой мелочи — *процессы, движение*, становится определяющим в литературном стиле отрывка: «смотрю, как рюмка стынет от холода», «около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы», «смотрю на убегающий берег» и т. д.

Со всем этим связаны и новые явления в синтаксисе Пушкина. Где вы встретите в завершенной прозе Пушкина три определительные предложения подряд?

«Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством, — боже мой — она почти моя».

Углубление анализа и усложнение синтаксиса связаны между собой неразрывно. Даже обобщения приобретают характер перечисления:

«Большая часть людей видит в женитьбе шали, взятые в долг, новую карету, и розовый шлафрок, — другие приданое и степенную жизнь, третьи женятся так, потому что все женятся, потому что им тридцать лет».

Во всем тексте отрывка пушкинская сжатая, даже отрывистая фраза сочетается со сложным периодом, и вырастает *новый ритм про-*

зы, более тревожный, чем в «Повестях Белкина» или в «Капитанской дочке». Как и в приведенном нами черновом варианте «Станционного смотрителя», многое в отрывке «Участь моя решена» приближается к стилю Л. Толстого. Даже первая фраза, которая нам служит названием. Перед нами — не действующий герой, как Владимир Дубровский, Гринев или Пугачев, а человек, которого участь решается *помимо него*, которым управляют обстоятельства. От того, что мы находим в этом отрывке, до сцены помолвки Пьера и Элен не так уже далеко.

5.

«Роман в письмах» 1829 г.¹⁶ наиболее крупный из черновых набросков романов Пушкина. В нем очень полно звучит характерная пушкинская тема социальной двойственности русского дворянства, внутреннего антагонизма, как одного из следствий общего классового измельчания и упадка. Эпистолярная форма служит раскрытию противоположных, противоречивых взглядов.

Лиза** болезненно переживает классовую деградацию своей древней аристократической семьи. Она тяжело страдает от положения «воспитанницы», «дальней родственницы» или «demoiselle de compagnie» в богатом Петербургском аристократическом доме. С нею очень милы, предупредительны, ласковы. Но все ее задевает, все ей кажется оскорбительным, невыносимым:

«Самое равенство мое с княжною было мне в тягость. Когда являлись мы на бале, одетые одинаково, я досадовала, не видя на ее шее жемчугов. Я чувствовала, что она не носила их для того только, чтоб не отличаться от меня, и эта внимательность уж оскорбляла меня. Неужто предполагают во мне, думала я, зависть или что-нибудь похожее на такое детское малодушие?»

Как это непохоже на все, что мы знаем о всех героинях законченных созданий Пушкина. Перед нами психологический анализ совсем не пушкинского типа. Исследуются тонкие изгибы, обнаруживаются те душевные трещины, которые запечатлеваются в характерах и нравах людей, как следствие того социального процесса разложения и распада, очевидцами которого стали Л. Толстой, Достоевский и Чехов. Образ Лизы во многом напоминает тех персонажей Достоевского, о которых сказано, что у них словно кожи нет, им от самого воздуха больно.

В частности, Лиза напоминает Неточку Незванову. Ведь Лиза, героиня «Пиковой дамы», совсем иначе, гораздо проще воспринимает прямые и явные придирки и оскорбления старой графини. Она — просто бедная воспитанница в богатом доме. И никто ее положение не смягчает, не делает его двусмысленным.

Социальный трагизм положения Лизы из «Романа в письмах» углубляется тем, что она полюбила человека, стоящего несравненно *ниже* ее в смысле «настоящего аристократизма» и несравненно *выше* ее по своему богатству и, следовательно, по своему общественному положению в России двадцатых годов XIX века. Богатство противопоставлено знатности. С каким презрением, с какой ненавистью пишет она о социальном происхождении страстно любимого ею человека! Как противопоставляет свой демократический аристократизм его аристократическому плебейству:

¹⁶ То же издание, т. VIII, стр. 43—56 и 555—579.

«Он аристократ, а я — смиренная демократка. Спешу объясниться и заметить гордо как истинная героиня романа, что родом принадлежу я к самому старинному русскому дворянству, а что мой рыцарь внук бородатого миллионера. Но ты знаешь, что значит наша Аристократия..»

Образ Лизы в дальнейшем раскрывается очень полно.

Ее любовь, осложненная мучительным сознанием социального несоответствия, заставляет Лизу бежать из Петербурга, чтобы не видеть любимого ею человека. Она притворяется перед подругой, и притворством приправлено все содержание первых трех писем. Но эти письма полны мыслей — об аристократии, о деревенской жизни, о Ричардсоне и его романах.

В четвертом письме обнажается подлинная причина душевного смятения Лизы. Ее ум — острый, меткий, скептический. Она рассуждает по-женски, но склад речи сохраняет все признаки чеканной «мужской» пушкинской прозы. Вот как говорит она о своей предполагаемой сопернице Машеньке: «Право, она влюблена в него. Дай бог, что и он влюбится. Она стройна и странна — мужчинам только того и надобно».

Менее успел определиться образ Владимира **. Но в замысле этого образа тоже — большой шаг от Пушкина к Льву Толстому:

¹⁷ «Выйду в отставку, женюсь и уеду в свою саратовскую деревню. Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением 3-х тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши...¹⁷ Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непросительно. Чем более имеем мы над ними прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы оставляем их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся.»

Толстой, вероятно, не читал «Роман в письмах», когда создавал «Утро помещика». И образ Константина Левина тоже возник независимо от черновиков пушкинской прозы. Но и Пушкин и Толстой изображали классово-характерный образ мыслей русского помещика, в положении которого на протяжении всего XIX в. оставалось много общего.

Несмотря на сомнительность своего аристократизма, Владимир, как и Лиза, тужит об упадке дворянства. Но он выражает свою скорбь применительно к своему положению: «Дед был богат, сын нуждается, внук идет по миру. Древние фамилии приходят в ничтожество, новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять». Он мечтает о том, чтобы такому порядку «положить преграды», он мечтает об укреплении позиций своего класса.

Владимир — «большой барин». Мелких помещиков он презирает не столько за то, что они остались Простаковыми и Скотининными, сколько за то, что у них всего лишь — «деревушки». С полным пренебрежением употребляет он это слово. Его светская учтивость не скрывает его презрения к людям, доходящего до наглости. В нем отчасти проглядывает Печорин.

Влюбленный в Лизу, бросивший Петербург и приехавший в глушь только ради нее, он остается, в сущности, холодным. Их отношения движутся к какой-то тяжелой для нее катастрофе.

¹⁷ Многоточие в оригинале.

* * *

В том отрывке и в тех планах, которые обычно объединяют под названием «Роман на кавказских водах», Пушкин, в некоторых отношениях, подходит довольно близко к будущим замыслам «Героя нашего времени»: «Теперешнее состояние Кавказа и прежнее», — эти слова, видимо, говорят о противопоставлении Кавказа вольнолюбивых горных народов наехавшему туда великосветскому русскому обществу, быта горцев до и после завоевания. Это противопоставление делает более яркой обрисовку аристократических нравов. Якубович, герой этого романа, когда-то ограбивший офицера, пленительный в дамском обществе, остро слов и насмешник, похищает русскую девушку, которая с ним кокетничает, хотя его не любит, а любит другого — Гранева. Гранев ее спасает. Происходит дуэль. Якубович убит. Вот стержень сюжета, который можно разгадать в набросках, очень отрывочных.

Совершенно ясно, что Пушкин предполагал обрисовать дворянский быт гораздо более обстоятельно, чем это сделано в «Герое нашего времени». Это видно по многим замечкам плана. Трижды повторяется в разных вариантах: «Приезд московской барыни, ее дочь, компаньонка, две девки, кучер, повар, дворовые слуги». Планы пестрят такими замечками: «Отец составляет вист...», «банкометы — сотрудники Якубовича...», «дамы на гуляньи ждут Якубовича...», «Общество на водах. Два лагеря...», «смерть его отца — театральное погребение» и т. д.¹⁸

Очень яркой бытовой сценой, единственной написанной и отделанной, должен был открываться этот роман. Разговор барыни с приказчиком и беседа двух дам показывают, что Пушкин шел не только к роману характеров, конфликтов и драматических ситуаций, но и к разоблачению устойчивого, ожоженевшего барского быта.

«Все двери были растворены настичь; зала и передняя загромождены сундуками и чемоданами; ящики всех комодов выдвинуты; слуги поминутно бегали по лестницам, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, дама 45 лет, сидела в спальне, пересматривая счетные книги, принесенные ей толстым управителем, который стоял перед нею с руками за спиной и выдвинув правую ногу вперед. Катерина Петровна показывала вид, будто бы хозяйственные тайны были ей коротко знакомы, но ее вопросы и замечания обнаруживали ее барское неведение и возбуждали изредко едва заметную улыбку на величавом лице управителя, который однако ж с большою снисходительностью подробно входил во все требуемые объяснения».

Трудно поверить, что это написано в 1831 г., что это не вариант «Поликушки» или другого произведения Толстого; да и прямолинейно грубоватая, самоуверенная Прасковья Ивановна, являющаяся в том же отрывке, напоминает Марью Дмитриевну Ахросимову. А облик больной и внутренне горящей Маши напоминает нам княжну Мери.

«Криспин приезжает в губернию...» и последний абзац наброска «В начале 1812 года...» — конкретные следы того, как прямо от Пушкина к «Ревизору» Гоголя переходили идеи, планы литературных творений. Но живучесть этих идей была не в личном обаянии поэта. Не влияние его бесед на его последователя и друга играло решающую роль. Глубокая правдивость и крайняя существенность едва намечен-

¹⁸ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, 1940, т. VIII, ч. 2, стр. 964—968.

ных образов делали неизбежными дальнейшее их развитие в русской литературе.

Вот почему даже те замыслы Пушкина, которые оставались долго неизвестными, нашли свое завершение у Лермонтова, у Льва Толстого.

6.

«Роман в письмах»¹⁹ особенно глубоко и остро показывает единство социальной и семейной темы. Терзания любви, сомнений, отчаяния и страха исходят из глубоких социальных конфликтов, происходящих внутри господствующего класса.

Мысль о том, что в семейном разладе проявляется распад класса, что неверность, измена, жена, бросающая мужа, муж, изменяющий жене, что все это страшные социальные трещины, становится важнейшим мотивом в замыслах романов Пушкина.

Отстаивая независимость поэтического творчества в своей борьбе против придворной сферы, Пушкин бросил несколько таких выражений, которые были потом радостно подхвачены сторонниками «искусства для искусства». Однако самая сущность всего созданного Пушкиным от вольнолюбивых стихов до «Капитанской дочки» заключает в себе мощную силу идейного влияния, политического, философского, нравственного. Утверждение, что «гений и злодейство — две вещи несовместные» одно из самых ярких выражений той мысли, что человек в его наивысшем развитии достигает полного равновесия, интеллектуального и нравственного. Мудрость Моцарта сочетается с его простодушием, любовью к детям, с его непоколебимым нравственным строем. Злодейство невозможно для гения потому, что он — не только наделен теми или другими способностями, он прежде всего — настоящий человек.

Из этой мысли Пушкина вытекает его глубокая концепция романа, русского романа: показать в современном ему обществе разрушенную стройность человеческих отношений, социальную и моральную неразбериху в сознании господствующего класса, отсутствие ясных, устойчивых и глубоко проникающих принципов — безнравственность высшего общества. Вот глубокая, все объединяющая тема.

В трех планах романа: «L'homme du monde» (связанном с «Гости съезжались на дачу...»), «Zélie aime», «Les deux danseuses», всего четырнадцать строк. Разные сюжеты и образы. Но все три плана ведут героев и героинь, запутавшихся и душевно измученных, к сознанию, что они глубоко несчастны, к чувству отвращения к жизни: «L'homme du monde malheureux». «Elle est tout à fait malheureuse. Dégoûts».

Путаница человеческих отношений воплощает неустойчивость характеров, колебание в поведении, смутность мировоззрения: «Светский человек ухаживает за модною дамой (Пол. ?). Он соблазняет ее, а женится на другой, *по расчету*. Его жена ему устраивает скандалы»²⁰

При всей незавершенности этого плана совершенно отчетливо одно: перед нами замысел истории человека, который самым своим характером обречен на несчастье, на жизнь бесплодную, полную неудовлетворенных порывов.

¹⁹ То же издание, т. VIII, стр. 43—56 и 555—579.

²⁰ То же издание, т. VIII, стр. 584. Приводим в переводе с французского. Подчеркнутое — в подлиннике по-русски.

Образы «тщеславного эгоиста» (*un égoïste vaniteux*), любовника, который насмехается над оставленной им девушкой, подруги, совращенной светской жизнью и окруженной скандалами, закулисные интриги, страдания опозоренной женщины — вот мотивы этих планов.

Одна фраза привлекает наше особенное внимание: «*Devient légère, fait un esclandre avec un homme qu'elle n'aime pas. Son mari la répudie.*» и после этого уже приведенное нами — «*Elle est tout à fait malheureuse — son amant, son ami...*»²¹.

В переводе: «Становится легкомысленной, ведет себя скандальным образом с человеком, которого не любит Муж ее выгоняет — она глубоко несчастна. — Ее любовник, ее друг...»

В этом замысле с большою силою сказывается намерение представить сложную душевную трагедию женщины, запутавшейся в чаще великосветской жизни и глубоко несчастной. Пять предыдущих коротких фраз заключают, каждая, — зерно трагического конфликта: 1) Зели любит тщеславного эгоиста, 2) она окружена холодным недоброжелательством светского общества, 3) у нее — «рассудительный муж» (видимо, это — особенно ужасно, так как ее безрассудная, чистая и рвущая душа никак не может ужиться с его благоразумно пошлой благопристойностью), 4) ее возлюбленный насмехается над нею, 5) ее подруга ее бросает.

И вот она губит себя ради человека, которого не любит и который, видимо, вовсе ее не достоин.

К анализу сложных, противоречивых чувств идет Пушкин, создавая планы романа. Критический реализм впервые заходит так далеко в область человеческого сознания, показывая, как в нравственном и интеллектуальном разладе отражается классовый распад и разлад экономический и социальный.

В этих планах особенно ясно сказывается, что Пушкин вносит в замыслы своих романов конкретные черты окружающей его действительности.

Так, нашумевшая в начале 20-х годов история балерины Истоминой (изображенной в «Евгении Онегине»), дуэль Шереметева и Заводовского, балет Дидло, все это входит в состав планов будущего романа.

В этом отношении особенно характерен интерес Пушкина к биографии его друга П. В. Нащокина. Пушкин редактирует его воспоминания и в 1830 г. записывает его жизнь со слов самого Нащокина.

В слоге этой записки нет никаких признаков устного рассказа, и, конечно, «Записки» — отнюдь не буквальная запись того, что говорил Нащокин. Они написаны сжатым, точным, ясным слогом автора «Повестей Белкина». Эти записи — замыслы для будущего романа. В состав этих записей входят анализ первых детских ощущений и воспоминаний, пространная и блестящая характеристика отца — русского барина XVIII в., самодура, гордеца, оригинала, человека страстного и живого, «домашним образом» представлены Суворов, Потемкин, Екатерина II, Павел I, даны очень подробно и выпукло бытовые сцены (переезд большого барина с места на место), вопросы воспитания ребенка в богатом барском доме привлекают особое внимание.

²¹ То же издание, т. VIII, стр. 554.

Типические обстоятельства кристаллизуются под пером Пушкина в эпизодах, имеющих характер выразительных анекдотов.

В таких эпизодах представлена вся история отношений матери и отца Нащокина:

«Отец, заблудившись на охоте, приехал в дом к Нелидову, влюбился в его дочь, и свадьба совершилась на другой же день». «Много вытерпела она от его причуд. Например: она боялась воды. Отец мой в волновую погоду сажал ее в рыбацкую лодку и катал ее по Волге. Иногда, чтоб приучить ее к военной жизни, сажал ее на пушку и палил из-под нее».

Искры политической сатиры облечены в такую же форму. Так, шут Иван Степанович польстил Павлу I с глазу на глаз. Царю это понравилось, и он при всех вызвал шута на повторение лести, но тот на сей раз ответил совсем иначе: «Скажи, дурак, что от меня родится? — От тебя, государь... родятся бестолковые указы, кнуты, Сибирь...».

На такой же шлифовке выразительных эпизодов строится и автобиографическая заметка того же года.²²

Достаточно напомнить данную в двух эпизодах характеристику Льва Александровича, деда поэта:

«Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму, за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его... довольно от него натерпелась. Однажды велел он ей одеться и ехать с ним куда-го в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел остановиться, и она в карете разрешилась — чуть ли не моим отцом».

Совершенно очевидно, что записи о Нащокине и автобиографические записи служат одной и той же задаче исследования жизненных источников и накопления емких выразительных эпизодов для романа, дающего остро критическую картину нравов русского дворянства на рубеже двух столетий и историю человеческих характеров.

Среди ряда других записей, ведущих к роману, нужно указать и «Дневник» 1833—35 гг.²³ «Опишу все в подробности, в пользу будущего Вальтер-Скотта», — говорит автор 13 декабря 1834 г. И как очевидец и расспрашивая очевидцев, Пушкин накапливает многочисленные типические эпизоды, политические и бытовые, характеризующие уровень дворянского общества.

Так, 8 марта 1834 г. Пушкин зарисовывает сцену встречи и беседы в великосветском салоне Жуковского и Скарятина, когда вошедший в комнату государь «застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцей его отца».²⁴ За рядом подобных эпизодов в «Дневнике» показан и фон, достойный автора трагедии «Борис Годунов»: «Вероятно, купечество даст также свой бал. Праздников будет на пол-миллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?»²⁵

Глубокий, последовательный и ясный анализ состояния высшего общества ведет Пушкина к той решающей силе, значение которой он

²² То же издание, т. XII, стр. 310—314.

²³ Там же, стр. 314—337.

²⁴ Там же, стр. 321.

²⁵ Там же, стр. 322.

давно понял и оценил. И если бы реалистический роман был завершен Пушкиным, сфера внимания великого поэта не ограничивалась бы, конечно, изображением великосветского общества: он противопоставил бы салону — «народ, умирающий от голода».

Стремлением изобразить жизнь обездоленного народа продиктован набросок «Мария Шонинг». Дочь нюрнбергского рабочего Мария остается после смерти отца одинокая, беспомощная и ограбленная. Дружба Анны Гарлин ее не спасает. Отчаяние все больше овладевает обеими женщинами. И Мария Шонинг клеветает на себя и на свою подругу, чтобы их обеих казнили, лишь бы положить конец отчаянию и нужде.

Автор «Маленьких трагедий» в повествовательной прозе думал ставить проблемы, касающиеся жизни не только своего родного, но и других народов. И в прозе проблемы ставились более социально и более резко. Но в любом завершенном или незавершенном прозаическом произведении Пушкина столько национального своеобразия, такая полнота русской жизни его времени или близкого ему прошлого, что с такою же конкретностью и глубиной завершить повесть или роман из иноземного быта Пушкин, конечно, не мог. И «Мария Шонинг» — только эпизод в его исканиях романиста.

7.

Зато исключительное значение имеет замысел романа «Я начинаю помнить себя с самого нежного младенчества».²⁶ Первая строка почти совпадает с записью о жизни Нащокина, и кое-что дальше восходит к этому источнику. Уже по этому началу видно, что Пушкин настойчиво ставит перед собою задачу проследить всю историю развития своего героя.

Карамзинский замысел «Рыцаря нашего времени», в котором впечатления детства, прошедшего в дворянской среде, образуют личность героя, должен быть осуществлен, конечно, совсем по-иному, средствами критического реализма.

Типические детали русского дворянского быта насыщают начало романа. И все дается сквозь призму такого изображения душевной жизни ребенка, которое совершенно не свойственно автору «Капитанской дочки» и которое во многом предвосхищает стиль «Детства» и «Отрочества».

Это еще не анализ душевной жизни во всем ее развитии с характерным для такого анализа осложнением аналитических синтаксических форм. Сохраняются простота и энергия сжатой короткой фразы. Но внимание задерживается на таких восприятиях, которые ничего не вносят в сюжет, и понимание которых углублено ради того, чтобы раскрыть их воздействие на формирование души ребенка.

«Нянька приносит меня в большую комнату, слабо освещенную (свечью под зонтиком) На постеле, под зелеными занавесками лежит женщина вся в белом: отец мой берет меня на руки. Она целует меня и плачет. Отец мой рыдает громко. Я пугаюсь и кричу. Няня меня выносит, говоря: «Мама хочет бай бай». Помню также большую суматоху, множество гостей: люди бегают из комнаты в комнату. Солнце светит во все окошки — и мне очень весело...»

²⁶ То же издание, т. VIII, стр. 415—417, 969—975,

Смерть матери, пережитая в детстве (что не имело автобиографического значения ни для Пушкина, ни для Толстого), не случайно занимает такое место у обоих авторов. Это — совершенно естественный сюжетный мотив для обнаружения раннего и глубокого душевного страдания, совсем еще смутного у маленького пушкинского героя и вполне отчетливого у Николеньки.

А эта тема страдающей детской души, ущемленной, развивающейся в уродливых условиях, — одна из существенных тем критического реализма.

Закладывая основы русского критического реализма, Пушкин создает такое искусство, которое всесторонне охватывает жизнь, устанавливая конкретные связи, постигая влияние экономического фактора.

Он видит, как слагаются типические характеры Онегина, обоих Дубровских, обоих Гриневых, как социальные условия определяют их поведение, их мысли и чувства. И критическое отношение к социальному бытию проявляется в таком же критическом отношении к возникшим на его основе человеческим типам.

В прозаическом романе еще конкретнее и полнее должны быть эти связи и тоньше, чем в повестях, — острее анализ сознания. Образование характера, определяемого социальной средой и семейной обстановкой, как частью этой среды, становится предисторией, краеугольным камнем романа.

С детских лет, еще до смерти матери и после, Пелымов, как в планах назван герой этого романа, испытывает уродующее душу влияние семейного разлада. Самая смерть его матери вызвана этим разладом.

Отец героя, кроме французской орфографии ничего основательно не знавший, обладал характером «легкомысленным и непостоянным».

«Он вошел в связь с женщиной, известной в свете своей красотой и любовными похождениями. Она для него развелась со своим мужем, который уступил ее отцу моему за десять тысяч и потом обедывал у нас довольно часто. Мать моя знала все и молчала. Душевные страдания расстроили ее здоровье. Она слегла и уже не встала»

За этим следует рассказ о тех пяти тысячах душ, обедах, домашнем театре, роговой музыке, которые определяли быт и характер отца.

И вот «виновница смерти матери» оказывается в роли мачехи и хозяйки.

Маленький Пелымов знакомится со своим сверстником, который оказывается его братом и которого зовут Мишей.

«Мишенька шаркнул направо, шаркнул налево, — и хотел поиграть моим ружьем; я вырвал игрушку из его рук, — Мишенька заплакал, и отец поставил меня в угол, подарив братцу мое ружье. Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. И в самом деле, пребывание мое под отеческою кровлею не оставило ничего приятного в моем воображении»

Чувство глубокого недовольства рано рождается и все более крепнет в сознании ребенка. Уродливое в своей основе, его воспитание кроме того небрежно. Оно идет вкривь и вкось. Лаконично и остро дан ряд эпизодов с гувернерами: их глупость, неряшливость родителей, озорство беспечного и ленивого барчука.

Достаточно напомнить, что один из губернаторов прожил в доме целый год, но тогда только догадались, что он сумасшедший, когда он пришел жаловаться, что мальчики «подговорили клопов со всего дому не давать ему покою».

Все более определяется, как результат разлада в барской семье, капризный, раздражительный, запальчивый, мнительный характер героя:

«Над учителями я смеялся и проказил, с Анной Петровной бранился зуб за зуб, с Мишенькой имел беспрестанные ссоры и драки, с отцом доходило часто до бурных объяснений, которые с обеих сторон кончались слезами»

Пельмова посылают учиться в Германию, а, в сущности, выгоняют из дома и отправляют подальше. Но влияние отцовского дома сказывается и на расстоянии. Неравномерно и небрежно высылаемые деньги приучают «к долгам и беспечности».

Эта барская беспечность приводит к тому, что время проходит «приятно», но Пельмов из всех университетских наук усваивает только фехтование и «делание пунша».

Если до сих пор все в жизни Пельмова определялось значительным богатством помещика-отца, то поворотным пунктом является материальная катастрофа, на которую смутно намекает отец, вызывая сына домой в Россию и требуя, чтобы он поступал на службу.

На этом заканчивается отрывок «Я начинаю помнить...». Но планы многое уясняют в замысле этого романа. Он начат как повествование от лица главного героя, а между тем план обнимает много действующих лиц, принадлежащих к разным сферам высшего общества.

В качестве прототипов, названных в планах, мы видим адмирала Н. С. Мордвинова, большого барина, англомана, упрямого крепостника, в то же время щеголявшего своим политическим вольнодумством. «Седым утесом» назвал его Пушкин, обращаясь к нему в 1825 году со стихами, но теперь «Мордвинов, его общество» упомянуты между генералом и крупным помещиком П. С. Котляревским и тем А. П. Хрущевым, о котором Вигель, совершенно в духе пушкинских эпитетов, говорил, что он «полуделец, не совсем честен, не совсем плут, но скорее последнее».

Видимо, особенно важное место в романе должно было занять беспутство золотой аристократической молодежи.

Об этом красноречиво говорят имена братьев Федора и Алексея Орловых, типичных гвардейских офицеров, из которых один остается просто азартным игроком и жутилой, а другой, все более возвышаясь, становится впоследствии (с 1844 г.) шефом жандармов. Упоминается «дом Всеволожских» — богатый дом, где барские традиции сочетались с буржуазной предприимчивостью и где у сверстника Пушкина Н. В. Всеволожского собирался знаменитый кружок «Зеленой лампы».

Орловым, Мордвинову, семье Пашковых, которые прославились шумным великосветским скандалом, автору грязных стишков и прожигателю жизни А. С. Неелову, или светскому ростовщику А. П. Шишкину и др. Пушкин отчетливо противопоставляет «общество умных», в состав которого входят и осторожный член тайного общества И. А. Долгоруков и несколько менее осторожный Сергей Трубецкой, и вовсе неосто-

рожный, «беспокойный» Никита Муравьев. За его именем следует в плане красноречивое «etc».

Видимо, это *противопоставление двух миров* должно было стать идейной и композиционной основой романа: с одной стороны, чванливая крепколобость стариков, моральная разнузданность золотой молодежи, дикий разгул, с другой стороны, философские и политические искания внутренне значительных людей, будущих декабристов и их сторонников, вместе составляющих «общество умных».

Несомненно, к этому второму миру примыкают названные в плане как прототипы, Грибоедов и слепой поэт Иван Козлов. Несмотря на неясность сюжета, каждый прототип упомянут в какой-то ситуации, которая определяется его отношением к окружающим его именам. Так, имя Грибоедова стоит между именами пленительной Истоминой и одного из ее обожателей А. П. Завадовского. Видимо, эпизод дуэли его с Шереметевым, постоянно привлекавший внимание Пушкина, должен был войти в состав этого романа.

К сожалению, негативная сторона романа в плане разработана несравненно больше, а «общество умных» остается только намеком. Конечно, это не случайно. В критическом реализме вообще несравненно сильнее звучит отрицание ветхого, чем утверждение нового. Но Пушкин задумывал то и другое.

С миром игроков, великосветских мошенников, присяжных дуэлистов связан сквозной герой романа — Пельмов.

«История Пельмова. Он знакомится с Ф. Ор(ловым) dans la mauvaise société — помогает ему увести девушку — отказывается от фальшивой игры — на дуэли секундантом у него. — Узнает от него об убийстве Щ(епочкина) — devient l'exécuteur testamentaire de Фед. Ор(лов) — попадает в подозрение (он дает ломбардный билет). Обращается к Ал. Орлову из крепости».²⁷

«Une danseuse — Пельмов с нею знакомится, находит у нее Фед. Ор(лова)».²⁸

Видимо, кульминационным пунктом романа является либо моральное падение Пельмова, либо позор, незаслуженно падающий на его голову: «Pelymof devient aux yeux du monde un mauvais sujet».²⁹

Сюжет целого романа разгадать невозможно. Образы в плане даны только намеками. Но общий колорит и основной смысл этого романа выступают очень отчетливо. Немногие написанные страницы определяют его строгий социально-психологический и аналитический характер. Совокупность ряда подробностей плана показывает, что это должен был быть роман глубоко драматический, остро сюжетный, раскрывающий и глубины морального падения и значительные философские и политические искания.

Вот, собранные вместе, эти подробности, которые определяют такой характер романа:

«Он свидетель бесчестия одного молодого человека», «он помогает ему увести любовницу», «брат его делается ему врагом, чернит его в глазах правительства», «он выслан из города», «Ф. Ор. доходит до разбойничества», «вдаётся в дурное общество», «продолжает свою беспутную жизнь — связь его с танцовкой, за счет гр(афа) Зав(адовского)», «un élégant, un Zav(adovski) mauvais sujet, des maîtresses, des dettes», «первые годы роскошные, впадает в бедность», «devient escroc et

²⁷ «В дурном обществе» ... «становится поверенным по завещанию...»

²⁸ «Танцовщица».

²⁹ «Пельмов в глазах света становится негодяем».

dueliste»³⁰ «доходит до разбойничества, зарезывает Щепочкина; застреливается или исчезает», «шайка Ф. Ор(лова)», «получает пощечину etc»...

Особенно красноречив такой отрывок плана:

«разбой —
донос —
суд —
тайный неприятель —
письмо к брату, ответ Тартюфа —
знает о свадьбе брата.
Отчаяние...»
«Болезнь душевная — сплетни света — уединенная жизнь».

Имена, ситуации и конкретные эпизоды показывают совершенно ясно, что этот роман должен был обнять исторический период между 1815—20 годами, когда готовились события декабрьского восстания.

Замысел Пушкинского романа предвосхищает таким образом тот, тоже впрочем незавершенный, замысел романа о декабристах, из которого, однако, вырос роман «Война и мир». Многие в строении обоих романов дает право для сопоставления. В плане романа о Пельмове не видно, правда, намерения создать широкое историческое полотно, нет ни отечественной войны, ни других собственно исторических событий.

Но есть уже замысел противопоставить среду Курагиных и Долоховых (Орловы, Завадовские, Пашковы) среде Болконских и Безуховых («общество умных»), с одной стороны, и беспутному, но радушному и «порядочному» дряхлеющему барству Ростовых, с другой стороны (семья Пельмоновых).

Пельмов, видимо, должен был пройти большой путь сложного душевного развития.³¹ Искалеченный воспитанием, проводший и детство и юность бессмысленно и беспутно, он попадает в компанию блестящих великосветских мошенников (характеризованных несравненно резче, чем та «золотая молодежь», в кругу которой повесничает Пьер Безухов) Пельмов запутывается, он опозорен, он потом, исстрадавшийся, измученный, выбивается на другой путь («Болезнь душевная — сплетни света — уединенная жизнь. Ф. Ор. пойман в разбое. Пел. оправдан...»).

Наиболее ясно раскрытая тема Пушкинского романа — это тема трагических последствий того распада семьи, который сопутствует общему распаду дворянства. В плане еще резче, чем в написанном тексте, выражена мысль о том, как губит душу ребенка распутное и, в то же время, беспечно небрежное поведение отца: «Отец и его любовница — Выблядок». «Отец его frivole в русском роде». «Пельмов воспитан у отца 7-ю французами, немцами, швейцарцами, англичанами — Отец им не занимается, но любит». (В черновом варианте: «Отец меня любил, сколько мог он любить кого-нибудь»). «Отец назначает ему 1000 в год и выгоняет его — умирает в нищете — сын его хоронит».

Мы видим, что в романе Пушкина обнаруживается замысел раскрыть трагедию социально ущербной и нравственно вывихнутой дво-

³⁰ «Щеголь Завадовский, негодяй, любовницы, долги... становится мошенником и дуэлистом».

³¹ Не лишена основания догадка П. В. Анненкова о том, что главной чертой Пельмова, по замыслу Пушкина, должна была быть способность сохранять посреди грязи свою нравственную чистоту («Литературные проекты Пушкина», «Вестник Европы», 1881, VII, стр. 48).

рянской семьи. Это та тема, которая явится основной для целого ряда предисторий тургеневских романов («Дворянское гнездо», «Накануне») и которая со всею силою прозвучит в романе Достоевского «Подросток». Многие в духе, в тоне и стиле написанного отрывка и планов предвосхищает социально-семейную трагедию Долгорукого: беспутный отец, бросивший сына в детстве и любящий его, насколько он способен кого бы то ни было любить, развращающая среда, в которую попадает сын, соблазны, преступления, бешеный азарт. Тема «неблагообразия нашего», как страшного душевного уродства и даже «надрыва», то есть непоправимой изломанности, ведущей героя к безвыходности и отчаянию, все это уже найдено и задумано Пушкиным. Задумано как трагедия русского дворянства. Но Пушкин, в отличие от Достоевского, вносит в это изображение глубокого распада полную *ясность*, мудрую грезвость автора, который не только возвышается над своими персонажами, но и видит современную ему жизнь как отрезок исторического процесса. В событиях своей современности он занимает отчетливую партийную позицию. Он с «обществом умных», с декабристами. Поэтому автор оценивает изображаемую им внешнюю и внутреннюю «суматоху» аристократического мира, полного и разврата и преступлений, как признак неизбежной катастрофы этого мира, а не как наличие безисходного исторического тупика. Политическая позиция и политическая страстность автора позволяют ему видеть ростки нового, видеть будущее, оставаться оптимистом, сохранять то высокое творческое спокойствие, которое одинаково величаво и в стихах, и в прозе Пушкина и в том, что он совершил, и в том, что он только думал совершить. Во всех этих отношениях противоположен Пушкину автор «Подростка», который отвергает то новое, чем живет его эпоха. Поэтому надрывы, растерянность, душевные недуги его героев отравляют мировоззрение автора.

Пушкин и Достоевский стоят у разных концов того же исторического процесса распада феодализма и гибели господствующего класса своей эпохи. Но сущность различия между ними не столько заключается в различии того, что они видят, сколько в противоположности социальных позиций обоих авторов. Достоевский был бы вправе считать себя подлинным преемником Пушкина, если бы мог, как и он, подойти к явлениям современной ему жизни с наиболее передовых в его время позиций. Но этой существенной преемственной связи между Пушкиным и Достоевским не оказалось.

С поразительной зоркостью и глубиной Пушкин уже в 30-х годах увидел и понял те социальные процессы, которые на их последующей исторической стадии изобразил Достоевский, но авторское отношение их к тому, что они видели, было разным.

Роман, который мы, как и другие незавершенные и не названные автором романы, называем по его первой, исключительно существенной строке «Я начинаю помнить себя с самого нежного младенчества», во всех известных нам изданиях назывался иначе. Для этого названия было использовано выражение, употребленное Пушкиным в одном из планов — «Русский Пелаг». Пушкин имел в виду вышедший в 1828 году роман Эдварда Бульвера Литтона «Pelham, or, the adventures of a gentleman».

Все предыдущее показывает совершенно ясно, что замыслы Пушкина были всецело сосредоточены на том, чтобы понять и критически изобразить русскую жизнь и русских людей современной ему эпохи.

Угол зрения и творческая методология автора целиком определяются его политической позицией в современной ему борьбе. Этот угол зрения в его основных чертах ясен еще задолго до 1834—1835 годов, когда создавались планы «Я начинаю помнить...». Этот взгляд сказывается еще до 1825 г. в первых главах «Евгения Онегина».

Но Пушкин был совершенно прав, когда в романе Бульвера Литтона увидел нечто существенным образом новое, в некоторой степени близкое своим исканиям, своей работе над созданием нового романа.

В «Пелаге» определяется переход от разного рода «субъективных» романтических романов к многообъемлющему, к многослойному «объективному» реалистическому роману.

Характерны такие слова авторского предисловия:

«It is a beautiful part in the economy of this world, that nothing is without its use; every weed in the great thoroughfares of life has a honey, which Observation can easily extract; and we may glean no unimportant wisdom from Folly itself»³²

Повествование от лица героя служит средством обстоятельного анализа, но не ограничивает кругозор автора, который уже предвосхищает теккереевское утверждение «романист это человек, который знает все». И денежные дела, и светские дразги, и скандальные истории, и интриги общественной и семейной жизни входят в очень обширную сферу романа.

Следует также заметить, что в субъективном романе «Вертер», «Сентиментальное путешествие», «Рене», «Адольф», «Оберман», даже в «Красном и черном», во всех этих романах, поглощенных преимущественно душевной жизнью одного героя, не исследован совершенно процесс формирования человеческого характера с юных лет, под влиянием классовой и семейной среды. Поэтому уже начало «Пелаге» должно было привлечь внимание Пушкина: «I am an only child. My father was...»³³. И с первых страниц — детские воспоминания о том, как за долги было описано все имущество отца; а у матери не было бриллиантов, чтобы явиться на прием к герцогине Д. Без бриллиантов ехать было решительно невозможно. Придуман был такой выход: почтенная аристократка надела конфискованные у нее бриллианты и отправилась к своей герцогине в сопровождении следившего за бриллиантами чиновника, которого выдавали за гувернёра Пелагеи и с которым обходились очень предупредительно.

В своем антиромантическом произведении Бульвер Литтон, в противовес Байрону, да и Вальтер Скотту, изображает всех героев в их естественный и большей частью средний человеческий рост:

«I value myself only on my common sense — the very antipodes to genius»³⁴, — говорит сам о себе Пелага. Пустой, небрежный и лицемерный, Пелага в то же время умен, наблюдателен, смел. Это — одаренный человек, искалеченный аристократической семьей и средою золотой

³² «Это удивительное свойство экономики мира, ничто не пропадает напрасно. Наблюдение может извлечь мед из любой сорной травы, которая растет вдоль большой дороги жизни; и колосья немаловажной мудрости можно собирать даже с полей Безумия... «Pelham, or the adventures of a gentleman By sir Edward Bulwer Lytton, Leipzig, 1842, p. XXXV».

³³ «Я был единственным ребенком. Мой отец был...» Там же, стр. 1.

³⁴ «Я расцениваю самого себя только на основании моего здравого смысла — истинной противоположности гению...» Там же, стр. 331.

молодежи. В этом смысле задача Пушкина частично совпадает с задачей английского писателя.

Изобразить молодого русского дворянина, одаренного и неглупого, но в жизни и сознании которого становится наглядным и видимым творное действие общественного и семейного распада русского дворянства.

Но в русском романе было то, чего не было в «Пеламе»: великосветскому укладу, миру щеголей, распутников и негодяев противопоставлялся другой мир — революционно мыслящих людей, мечтающих о том, чтобы служить своему народу. Весьма вероятно, что пострадавший герой должен был сблизиться с этим новым миром и в нем обновиться.

Только в некоторых набросках этот герой получил условное предварительное имя Пелам; *раз* назван он был «Русским Пеламом». Из этого имени развилось потом имя Пелымов, которое *восемь* раз упоминается в планах.³⁵

Почему Пушкин прервал работу над этим романом, таким значительным по замыслу, таким нужным в русской жизни тридцатых годов?

Пушкин использовал некоторые черточки этого романа в «Капитанской дочке»; «старый Савельич», учитель француз, воспитание героя. — Но во всем существенном, создавая свою последнюю повесть, пошел по совершенно другому пути. Можно думать, что Пушкину было бы «проще» создать сложный задуманный им роман из великосветского быта, чем повесть о Пугачёве, которая потребовала таких обширных предварительных изысканий.

Но в его глазах, и он был тысячу раз прав, «Капитанская дочка» русокому народу была несравненно нужнее. Уж не говоря о Пугачёве, о восставшем народе, о скромных и великих героях Мироновых, даже бесхитростный Петруша Гринев вносил в сознание русского человека столько свежего и важного для понимания русской жизни, как ни один самый сложный психологический образ.

В. Одоевский и Вяземский приняли бы завершённый роман о Пелымове более горячо, чем «Капитанскую дочку». Но гений Пушкина сказывался прежде всего в сознании потребностей русского народа. А народу нужнее была чеканно ясная повесть о крестьянском восстании, чем сложный роман о запутавшемся дворянине. И замысел реалистического, прозаического романа из современной жизни все рос, ширился, становился все значительнее и глубже. Но осуществление этого замысла оставалось незавершённым.

*
* * *

Мы рассмотрели только черновики и наброски романов или повестей из современной автору жизни, оставив в стороне такие исторические замыслы, как «Цезарь путешествовал». Мы прошли мимо, хотя и не совсем завершённых, но определившихся произведений, как «Рославлев», «Египетские ночи» с примыкающим к ним отрывком «Несмотря на великие преимущества...». Мы не остановились также на таких набросках, как «В 179... году возвращался я...», «В начале 1812 го-

³⁵ Поэтому мы считаем, что отрывок должен называться либо по первой строке либо — «Пелымов» Для названия «Русский Пелам» нет достаточных оснований.

да...», «4 мая 1825 г...»), во многих отношениях интересных, но ничего не говорящих о плане большого романа, являющихся опытом на том пути, на котором возникли «Выстрел», «Дубровский», «Капитанская дочка».

Наша цель заключалась в том, чтобы показать, что русский прозаический роман, как самое мощное проявление реализма начала сороковых годов («Герой нашего времени») и второй половины XIX века, зарождался уже у Пушкина.

В черновиках Пушкина предвосхищен целый ряд самых существенных идей, образов, даже ситуаций, предвосхищены многие лучшие черты стиля русского романа, каким явился он под пером Лермонтова и других великих наших романистов: противопоставление в русском обществе реакционного, обреченного на бесславную гибель великосветского дворянства людям, озабоченным судьбами народа, живущим передовыми идеями; ясное выражение передовых взглядов автора; трагедия человека, изуродованного воспитанием в семье, отравленной гниением привилегированного класса; мятежные, смутные и бурные искания лучших людей, задыхающихся в атмосфере класса, идущего к гибели; разгул, как одно из проявлений этих смутных исканий; понимание сложных характеров, раскрытие противоречий — «диалектика души».

В литературном стиле Пушкина, в органической связи с этим строем идей, пробиваются новые признаки, прямо противоположные всему строю его завершенной прозы. На место точного эпитета, раскрывающего сущность вещи, — эпитет, обозначающий её переменное состояние, обозначающий течение жизни. На место изображения лаконического, бьющего только в главную цель, — детализация. На место сжатого и четкого синтаксического строя — синтаксис несравненно более разветвленный. На место характеров определённых, цельных и прямолинейно развивающихся (хотя бы и не чуждых противоречий, как Трокуров или Пугачёв) — люди с надтреснутыми душами, порабощенные страстями и пороками, полные внутреннего смятения. На место ясной композиции со стройным и чистым развитием действия — громоздкий замысел, сочетающий грязные преступления и отважные философские искания.

Внося столько нового, захватывая столько из окружающей его жизни и далеко заглядывая вперед, Пушкин, разумеется, остаётся самим собою и в этих замыслах прозаического романа — идущим вперёд новатором, передовым мыслителем, подлинно народным поэтом.

Главное, что мы утверждаем всем содержанием нашего исследования: в развитии русского общественного сознания, в развитии русской литературы — незавершенная работа Пушкина над прозаическим романом — крупное и существенное звено, яркое проявление исторической обусловленности и закономерности литературного процесса.

Пуля Дантеса оборвала труды Пушкина, но была бессильна остановить осуществление его замыслов.

МІНІСТЕРСТВО КУЛЬТУРИ СРСР

ЛЬВІВСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ім. ІВАНА ФРАНКА
КАФЕДРА ІСТОРІЇ РОСІЙСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

ТОМ XXIV

ЛІТЕРАТУРНО-КРИТИЧНИЙ ЗБІРНИК

ВИПУСК ДРУГИЙ

ВИДАВНИЦТВО ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
імені О. М. ГОРЬКОГО

ЛЬВІВ

1953

ХАРКІВ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

ЛЬВОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ив. ФРАНКО
КАФЕДРА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XXIV

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ СБОРНИК .

ВЫПУСК ВТОРОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ХАРЬКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. А. М. ГОРЬКОГО

ЛЬВОВ

1953

ХАРЬКОВ